

УДК 94(47)“1941/44”

Б.Н.Ковалев

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В РОССИИ

The paper dwells upon the categories of witnesses in the criminal cases about parricide. Different methods of employees work in the state security services are analyzed in the article.

Суды над немецкими военными преступниками и их пособниками начались в СССР еще в годы Великой Отечественной войны. Они проходили и в первые послевоенные годы. К уголовной ответственности привлекались все категории советских граждан, в той или иной степени сотрудничавших с нацистскими оккупантами.

С точки зрения международного права военная оккупация — временное занятие территории государства вооруженными силами противника. Сам факт оккупации не решает судьбы захваченных регионов — она определяется, как правило, по окончании войны мирным договором.

Захватив в 1941 — 1942 гг. западные и юго-западные области РСФСР нацистская Германия установила здесь жестокий оккупационный режим.

Насаждая на оккупированных территориях свой «новый порядок», нацисты стремились стереть само слово «Россия» с карты так называемой «Новой Европы». Гитлеровские военные органы привлекали российское гражданское население, подконтрольное им, на принудительные работы по обеспечению нужд вермахта и рейха; была введена широкая система конфискаций и реквизиций.

Для укрепления и поддержания оккупационного режима немецко-фашистские захватчики стремились привлечь «местные кадры».

В словаре иностранных слов понятие «коллорабационист» объясняется следующим образом: «(от французского — collaboration сотрудничество) — изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939 – 1945)» [1]. Но уже в годы первой мировой войны этот термин стал приобретать подобную трактовку и употреблялся отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену.

Можно полностью согласиться с М.И.Семирягой, который утверждает, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без со-

трудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и т. д. [2]. Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма.

В нашей стране термин «коллаборационизм» для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стал употребляться лишь в последнее время. В советской исторической науке обычно использовались слова «предатель», «изменник родины», «пособник». Хотя на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли именно коллаборационистами.

Степень вины людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Руководство советского Сопротивления признавало это еще в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

Необходимо учитывать при рассмотрении этой проблемы социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера, приведшие отдельных граждан к измене своей родине. Поэтому и природа коллаборационизма как явления не так проста и единообразна.

17 сентября 1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.». Согласно ему применялась амнистия «в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами». Четвертая статья данного указа гласила, что амнистия не применяется «к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан» [3].

Советские органы государственной безопасности в течение десятилетий занимались розыском и привлечением к уголовной ответственности гитлеровских пособников из числа местного населения — коллаборационистов.

Свидетельские показания — основа всех доказательств в уголовном процессе. А. Я. Вышинский писал: «Свидетельские показания — один из наиболее древних и распространенных видов судебных доказательств. И это вполне понятно, так как живое слово непосредственного очевидца события, спокойно и объективно повествующего следствию и суду об обстоятельствах этого события, о преступнике, об обстановке преступления и т. д., не может не иметь громадного значения для судебного решения» [4].

Получив сведения о событии преступления и проведя необходимые действия по их закреплению, оперативные службы и следователи прилагали максимум усилий по поиску информированных источников — свидетелей.

На основе накопленного советскими органами государственной безопасности опыта свидетелей по делам гитлеровских пособников можно разделить на несколько групп по отношению к человеку, совершившему тяжкое преступление.

К первой группе относятся свидетели, ставшие жертвами или пострадавшие от изменников родины. Они ранее не знали обвиняемых, никогда с ними не встречались до момента совершения преступления. Эти свидетели только описывают картину события: расстрел, казнь, издевательства, поведение преступников и результат их преступного действия. К таким свидетелям относятся, как правило, чудом спасшиеся жертвы карательных акций.

667-й карательный батальон «Шелонь», действовавший в 1942 — 1943 гг. в южном Приильменье, уничтожил около 40 населенных пунктов. Каратели принимали непосредственное участие в расстреле мирных жителей деревень Бычково, Починок, Заходы, Петрово, Нивки, Пособляево, Пустошка.

Розыск карателей, начавшийся еще в годы Великой Отечественной войны, продолжался вплоть до начала 80-х годов. Последний судебный процесс прошел в 1982 г.

В конце октября 1960 г. начальник Управления КГБ СССР по Новгородской области В.А.Аллаберт утвердил план оперативных и следственных мероприятий по розыску карателей, участвовавших в массовом расстреле 19 декабря 1942 г. жителей деревень Бычково и Починок [5]. Одной из важнейших задач, стоящих перед чекистами, было выявление свидетелей этого страшного преступления.

Ценные показания смогли предоставить немногие оставшиеся в живых свидетели: Т.П.Иванова, А.И.Зверева, А.И.Иванов, Е.С.Семенова, А.Н.Савченко, Н.И.Паклин. При допросах этих свидетелей, видевших смерть своих ближайших родственников, следователю приходилось очень осторожно интересоваться их прошлым и настоящим. У них часто случались нервные срывы и истерики, вызванные кошмарными воспоминаниями.

Еще в 1944 г. И.И.Паклин и А.И.Иванов показали: «16 декабря 1942 г. в районе деревень Починок и Бычково между партизанами и карательным отрядом произошел бой, в результате которого было убито 17 немцев и полицейских.

19 декабря 1942 г. в эти деревни ворвался карательный отряд с двумя танками и одной бронемашинной. Населению было предложено в течение 30 минут приготовиться к выселению.

По приказу начальника карательного отряда всех людей около 300 человек согнали на реку Полисть и открыли по ним огонь из пулеметов, автоматов и минометов. Лед на реке проваливался от разрывов мин. Убитые и раненные тонули и их уносило под лед. Немцы не разрешили убирать и весной 1943 г. оставшиеся на льду трупы, их унесло в озеро Ильмень» [6].

Тамара Павловна Иванова, 1924 г. рождения, уроженка деревни Починок Белебелковского (ныне Поддорского) района Ленинградской (ныне Новгородской) области 19 декабря 1942 г. была тяжело ранена карателями во время расстрела жителей деревень Бычково и Починок. Одиннадцать ее родственников были убиты. Ее рассказ о трагедии на реке Полисть в судебном заседании взволновал не только присутствующих в зале, но и состав суда. Простые, незамысловатые стихи, написанные свидетельницей Ивановой, показали весь трагизм ситуации, роль нацистских пособников в уничтожении мирного населения:

«Мы шли на смерть и
Друг с другом прощались,
Мы друг за другом тихонько брели,
А дети ласково так улыбались,
И не знали, куда нас веди.
Нас вывели на речку, на лед,
Велели на месте строем стоять,
Наставил враг напротив нас пулемет
Стал свинцовым дождем поливать...» [7].

Т.П.Иванова выступала в качестве свидетеля по уголовным делам по обвинению Григория Гуревича (Гурвича), Николая Иванова, Константина Григорьева, Павла Бурова, Егора Тимофеева, Константина Захаревича. Ее личная трагедия в годы войны была позднее отражена в документальном фильме «Дело № 21».

26 ноября 1943 г. подразделение «Ягдкоманда-38», сформированное из гитлеровских пособников, провело карательную операцию против жителей деревень Доскино, Танина Гора и Торчиново Батецкого района Ленинградской области. Каратели напали на лесной лагерь мирных жителей, окружили его, а тех, кто пытался бежать, убивали. В общей сложности в урочище Пандрино каратели уничтожили более 150 человек.

Среди убийц был Петр Тестов, бывший военнослужащий Красной Армии, добровольно перешедший на сторону гитлеровцев. Свидетелем по уголовному делу проходил единственный оставшийся в живых очевидец случившегося в 1943 г. побоища мирных русских граждан. А.Д.Белову было тогда четырнадцать лет. На месте преступления были убиты его мать, жена брата с двумя детьми, ему самому нанесли удар прикладом по голове. При опознании Тестова по фотографии у Белова началась истерика, он кричал: «Это он, это он, это тот каратель, который стрелял!» [8]. Психиатрическая экспертиза не выявила у Белова отклонений и

дала заключение, что он может адекватно осмысливать происшедшие события. В ходе предварительно следствия и в суде вина Тестова была полностью доказана [9].

Вторая группа свидетелей по уголовным делам на карателей, полицейских и других изменников родины состояла из лиц, знавших преступников по совместной службе в различных фашистских формированиях. Как правило, они уже отбыли наказание за службу у оккупантов, но у них всегда проявлялась настороженность и боязнь, велико было нервное напряжение. Немало требовалось усилий, чтобы добиться у них объективных и достоверных показаний в отношении обвиняемых.

Алексей Калистов, житель Псковской области, один из участников батальона «Шелонь», был осужден за службу у немцев, досрочно освобожден из лагеря по амнистии 1955 г. Советские органы государственной безопасности получили достоверные сведения, что Калистов в составе 2-й роты (он был рядовым солдатом) находился в оцеплении на реке Полисть и мог видеть всю картину расстрела жителей деревень Бычково и Починок. Долго и упорно он отрицал свое участие в этой карательной акции. На допросах вел себя истерично, плакал, заявлял, что он ни в чем не виноват, о действиях сослуживцев ему ничего не известно. Следователю пришлось применить ряд тактических приемов, которые способствовали получению от Калистова фактических данных о событиях на реке Полисть и конкретных виновниках преступных действий. Для этого потребовались очные ставки Калистова с другими свидетелями, проведение следственного эксперимента на месте расстрела. Эти приемы ведения следствия оказались эффективными, они положительно воздействовали на психологическое состояние свидетеля [10].

Одним из первых добровольцев батальона «Шелонь» был Г.М.Гурвич. Еврей по национальности Григорий Моисеевич Гурвич изменил имя на Григория Матвеевича Гуревича. Отличался особой жестокостью: следствие установило его участие в расстреле не менее 25 человек. На следствии упорно отрицал вину — «в истязаниях и расстрелах не участвовал» — и лишь после восемнадцатой очной ставки с сослуживцами признал участие в пяти расстрелах [11].

Особый интерес для следствия представляли сотрудники различных коллаборационистских органов, не совершившие военных преступлений. Так, в деле начальника старорусской полиции периода нацистской оккупации Александра Кютта есть различные показания его бывших подчиненных, выполнявших «бумажную» работу. Они достаточно легко шли на контакт со следователем, рассчитывая на то, что их помощь органам государственной безопасности будет им зачтена. Эти показания пролили свет на многие преступления гитлеровских пособников.

Бывшая сотрудница старорусской полиции Тамара Финагина на допросе показала: «Мне также известно, что под руководством Кютт, полицией в декабре месяце 1941 года было арестовано до тридцати человек евреев, которые в начале прихода немцев были оставлены, так как у них были жены или мужья русские. В августе и сентябре 1941 г. были уничтожены немцами еврейские семьи, где не было русских. Все эти евреи сгонялись полицией и жандармами в монастырь и в разбитых стенах расстреливались немцами и жандармерией. Это говорили мне полицейские, фамилий которых я не помню» [12].

Отдельную подгруппу свидетелей представляли родственники и близкие знакомые лиц, совершивших преступление. Они часто ни в чем не были виновны, но хорошо владели информацией. Так, будучи допрошенной в качестве свидетеля вдова бургомистра Новгорода Морозова, убитого испанским солдатом в ноябре 1941 г., Раиса Морозова 15 ноября 1947 г. рассказала о деятельности начальника новгородской полиции Никиты Расторгуева: «В октябре 1941 года, числа 11-12, Расторгуев пришел к нам на квартиру и говорит: «Нужно организовать арест Силантьева Василия». На второй день после этого Силантьев был арестован и в деревне Григорово расстрелян. Кроме того, Расторгуев при немцах был резко антисоветски настроен. Он заявлял, что, наконец, он дождался времени, когда можно жить по-настоящему и есть возможность лично, собственными руками отомстить большевикам-паразитам. Мне так же известно, что он обирал советских граждан и их вещи обращал в личное пользование» [13].

Третья группа свидетелей по делам нацистских пособников наиболее многочисленна. По своим субъективным признакам она неоднородна как по характеру, так и по восприятию событий. Эти свидетели непричастны к преступлениям, они являлись наблюдателями за действиями виновных в силу сложившихся обстоятельств или из любопытства. Среди них встречались и такие, которые по разным причинам уклонялись от дачи показаний, боясь мести преступников и их родственников, а также из-за нежелания «ходить по судам».

Из показаний Ираиды Ермиловны Лапшиной: «Оставшись проживать на оккупированной территории в гор. Старая Русса, я была очевидцем нижеизложенных фактов преступлений немецких захватчиков и их пособников.

В октябре 1941 г. на территории военного городка в полку около собора происходили массовые расстрелы русских военнопленных. Почти ежедневно расстреливались большими партиями, так что учесть количество расстрелянных не представляется возможным. Трупы расстрелянных хоронили на берегу реки Полисть против улицы Бетховена, где и по настоящее время есть большие ямы-могилы, которые я могу показать. Изложенные мною факты я лично видела сама, т. к. жила по соседству» [14].

В период оккупации нацисты старались взять на учет все население. Иногда люди становились случайными свидетелями преступлений коллаборационистов. Так, Зинаида Ефремова вообще не знала активного пособника нацистов Ивана Скорина. Но на допросе 15 октября 1949 г. она показала: «В 1941 году в сентябре или октябре месяце я, как и все граждане, проходила регистрацию паспорта в здании бывшей городской аптеки. На улице около аптеки была очередь жителей города Старая Русса, которые пришли пройти перерегистрацию паспортов, всего было человек триста. Находясь в очереди, я встретила своего хорошего знакомого, который тоже стоял в очереди, Богданова Ивана Ивановича. Спустя некоторое время я заметила, что среди граждан выделился один пожилой мужчина лет 50-55 с маленькой бородкой, высокий, худощавый, фамилию его я не знаю. Этот мужчина некоторое время ходил около стоявшей очереди, потом подошел к жандарму... Вскоре жандарм по указанию этого мужчины вывел из очереди Богданова И.И. и повел его по направлению к жандармерии.

Богданов был арестован жандармерией по доносу неизвестного для меня мужчины, лицо которого я опознала на фотокарточке под № 2. Как мне позднее стало известно, Богданов был арестован как советский патриот, коммунист и партизан» [15].

На протяжении десятилетий советские чекисты занимались розыском и документаций преступных деяний латышских легионеров, служивших в СС и СД. В 1942 — 1943 гг. команда латышских карателей дислоцировалась в деревне Жестяная горка Батецкого района Ленинградской области. Ими было уничтожено более 2500 советских граждан: русских, евреев, цыган. Для выяснения всех обстоятельств, связанных с преступными деяниями этих карателей, были установлены и допрошены в качестве свидетелей местные жители И.В.Клочков, П.И.Быкова и другие. Благодаря их показаниям были получены дополнительные данные о Цирулисе, Жальгерисе, Удровскисе, Бруно и других, а также бывших белоэмигрантах Беляеве и Климове. Большинство из этих военных преступников после войны проживали за границей: в США, Канаде и Австралии.

Чекистам было известно, что Клочков, проживая во время оккупации около деревни Жестяная горка, имел общение с некоторыми карателями. Он развлекал их игрой на гармошке. Из ряда источников, в том числе агентурных, были получены сведения, что он неоднократно наблюдал за действиями карателей. Несмотря на неискренность Клочкова, его «забывчивость» следователям все же удалось собрать нужные сведения о действиях этих карателей и объявить их в розыск [16].

Откровенно и доброжелательно вела себя на допросах Бычкова, она подробно рассказала об известных ей фактах злодеяний фашистов и их пособников над мирными гражданами [17].

К четвертой группе свидетелей можно отнести людей, которые давали произвольные показания в отношении обвиняемых. В таких случаях свидетели сообщали сведения, ссыла-

ясь на других лиц или на содержание каких-либо документов, которые они читали или содержание которых им пересказали.

В процессе розыска гитлеровских пособников следователи допрашивали сотни людей. Далеко не все из них легко шли на контакт с сотрудниками органов государственной безопасности. Полковник КГБ В.П.Михеев писал: «Эмпирически каждый достаточно опытный следователь знает, что общение с недоверчивыми и подозрительными людьми требует терпения и осторожности. С капризными целесообразен спокойный тон, при полном игнорировании их капризов. Самодовольных и хвастливых останавливает ирония, но пользоваться ею надо умело.

Как найти необходимую линию поведения в общении с обвиняемым, свидетелем, потерпевшим в различных ситуациях, все зависит от процессуального мастерства следователя» [18].

Способы воздействия, которые мог применить следователь, были регламентированы уголовно-процессуальным законодательством лишь в общем плане. В каждом конкретном случае чекисты в своей практике строго определяли их допустимость и правомерность, исключая всякие элементы психологического насилия в отношении участников уголовного процесса. Поэтому после 1955 г. к ним не было каких-либо серьезных претензий как со стороны судебных органов, так и от лиц, проходивших по делам активных нацистских пособников в стадии предварительного следствия.

1. Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С.287.
2. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С.5.
3. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955 — 1991 гг.: Сб. правовых актов. М., 1997. С.89, 90.
4. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1945. С.213.
5. Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее АУФСБНО). Д.56. Т.1. Л.1-2.
6. Там же. Ф.7. Д.33. Л.12.
7. Там же. Д.56. Т.3. Л. 65.
8. Михеев В.П. Оперативно-розыскные и следственные мероприятия по привлечению к ответственности государственных преступников // Контрразведка: вчера и сегодня. В. Новгород, 2000. С.37.
9. АУФСБНО. Д.1/13364. Т.1-6. Л.46.
10. АУФСБНО. Воспоминания полковника КГБ В.П.Михеева. Рукопись. С.28.
11. Петров М.Н. Каратели (новые источники по истории Великой Отечественной войны) // Как началась война. Новгород, 1995. С.48.
12. АУФСБНО. Д.1/6995. Т.1. Л.23
13. Там же. Л.87.
14. Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. Р-1793. Оп.1. Д.28. Л.71.
15. АУФСБНО. Д.1/6995. Т.2. Л.65.
16. Воспоминания полковника КГБ В.П.Михеева. С.30.
17. Там же.
18. Там же. Л.31.